

## ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

*Д.К. Маслов*

### ПИРРОНИЧЕСКАЯ КРИТИКА ПОНЯТИЯ «ПРИРОДА ВЕЩЕЙ»: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА \*

*Маслов Денис Константинович* – младший научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: denn.maslov@gmail.com

В статье проанализирована критика понятия вещей по природе в скептической пирронической традиции и сформулированы следствия этой критики. Формулируя два важных направления в современных эпистемологических дебатах, нормативного и дескриптивного, которые задают поле для дискуссий, автор утверждает, что в основе этой дискуссии неявным образом лежит понятие природы вещей как нормативного представления о подлинной реальности и ее формальных характеристиках, которые должны быть отображены в знании. Это указывает на тесную связь эпистемологии и метафизики. Отрицание Пирроном природы вещей можно рассматривать как указание на недоопределенность устройства мира, допускающую различные интерпретации по принципу «не более». Этот же принцип не позволяет окончательным способом индивидуировать вещи. Принцип «не более» использовался и до Пиррона и является его обоснованием отрицания природы вещей ввиду того, что любой вещи можно приписать противоречащие предикаты. Мы указываем на разрыв в традиции, а также преемственность пирронизма на основе понятия «природа вещей». Секст Эмпирик воспринял использованное Пирроном понятие природы вещей и сделал его центральным для своей аргументации. Природа вещей понимается как неизменная, вечная и инвариантная. Секст отличен от Пиррона, так как воздерживается от суждения, от тезиса о природе вещей. Хотя Секст развивал эпистемологическую критику античных теорий познания, понятие природы вещей осталось преимущественно без рассмотрения, являясь центральным основанием тропов воздержания от суждения. В итоге использование пирронистами понятия природы вещей представляло собой убедительную критику нормативного подхода и привело к ослаблению и прагматизации этого подхода.

**Ключевые слова:** Пиррон, Секст Эмпирик, природа вещей, «не более», метафизика, эпистемология

**Для цитирования:** *Маслов Д.К.* Пирроническая критика понятия «природа вещей»: эпистемология и метафизика // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 165–180.

---

\* Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

1. В современной эпистемологии можно в крайне общем виде выделить среди прочих и такие два подхода, как нормативный и дескриптивный. На это в своих работах обращает внимание М.Н. Вольф. Основное отличие их состоит в том, что нормативный подход выдвигает внешние регулятивные требования к познанию, которым оно должно соответствовать, чтобы считаться знанием. Такой подход предполагает сильный регулятивный идеал законченного аподиктивного и поэтому необходимо истинного знания. В то же время дескриптивный подход предлагает учитывать и изучать уже имеющееся, конкретное знание и подходить к нему описательно. При этом, по сравнению с нормативным подходом, понятие удавшегося познания ослабляется и допускается фаллибилистическое знание, которое считается обоснованным в соответствии с имеющимися данными и нормами. Знание понимается не как абсолютное знание, но как лучшее знание, имеющееся на сегодняшний день. Вольф формулирует эту дихотомию следующим образом:

Нормативный подход дает предписания относительно человеческих действий на основании установленных рациональных стандартов, а сами действия как приемлемые или неприемлемые, правильные или неправильные сопоставляются с нормой и одно с другим, исходя из того, как следовало и как не следовало действовать. Дескриптивный подход описывает актуальные действия людей, то, как люди актуально сиюминутно действуют в заданном контексте, в том числе и особенно – в условиях неполного знания и в отсутствие предустановленных стандартов поведения, норм (морали и пр.)<sup>1</sup>.

В частности, к дескриптивному подходу можно отнести проект, запущенный «натурализованной эпистемологией» У. Куайна; во многом он стал инициатором этого течения в современной эпистемологии<sup>2</sup>. Тем самым совершается операционализация и прагматизация понятий знание и истина, т.е. их привязка к конкретным существующим и признанным познавательным практикам.

Знаменитая формула Х. Патнэма определяет истину как рациональную приемлемость при эпистемически идеальных условиях. Он осознает, что такие условия никогда в действительности недостижимы и являются идеалом, к которому нужно стремиться и с позиции которого оценивать имеющиеся данные. Эта позиция является прагматической и в сущности отказывается от требования полного актуального достижения истины согласно нормативному подходу, довольствуясь приближением к такому идеалу; тем не менее нельзя сказать, что тем самым совершается отказ от норм и регуляции познания. В связи со слоганом Патнэма ставится вопрос о том, как появились и насколько обоснованными являются те самые нормы, которые составляют основу соответствующего подхода. (Здесь же просматривается основание для критики строгого прочтения этого деления.) Строгие нормы нормативного подхода являются экспликацией и идеализацией уже имеющегося знания в актуальных практиках, которые необязательно и лишь в крайнем случае абсолютизируются (как, например, у стоиков). В то же время дескриптивный подход не может не оценивать и не предписывать нормы на основе и в результате своего анализа, например в случае недопустимого отклонения от актуальных эпистемических

<sup>1</sup> Вольф М.Н. Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 175.

<sup>2</sup> Там же. С. 172–175.

практик. Но такие нормативные предписания являются текучими и чуткими к изменениям в актуальном познании. В случае дескриптивного подхода даже утверждение необходимости познания может иметь место. Она может постулироваться «задним числом», ретроспективно или ретро-активно при создании нарратива, описывающего проделанный путь познания<sup>3</sup>. Хотя эпистемическая история могла быть иной, есть достаточные причины или основания, по которым она пошла тем путем, которым пошла. Поэтому оба подхода в чем-то схожи, что приводит к мысли, что данная дихотомия является скорее эвристической моделью, задающей координаты, пространство для дальнейшего поиска, а не строгим принципом (так же как, например, дихотомия конструктивизм/реализм). Поэтому ее использование осмысленно и продуктивно.

М.Н. Вольф использует эту дихотомию при анализе эпистемологических проектов античных философов. Вероятно, что сам подход был спроецирован на современную эпистемологию, исходя из исследований по античной эпистемологии. Исследовательница выделяет две линии: нормативисты Парменид – Платон – Аристотель и стоики, тогда как к дескриптивной относит софистов (прежде всего Горгия) и скептиков (пирронистов и академиков)<sup>4</sup>.

Мы хотели бы оттолкнуться от этой дихотомии и рассмотреть ее метафизические основания, в частности сильное нормативное понятие природы вещей, центральное для античных нормативистов, в свете пирронической критики этого понятия в эпистемологическом и метафизическом смыслах. Тем самым мы рассматриваем критику понятия природы вещей Пирроном и Секстом, что, с одной стороны, дает более конкретное понимание представленной выше дихотомии, и с другой стороны, проливает свет на способы аргументации этих двух скептиков. Мы полагаем, хотя и не аргументируем в пользу этого в настоящей работе, что пирроническая критика явилась одной из наиболее влиятельных причин отступления от сильного нормативного идеала в сторону прагматизации познания и опоры на явления, а не умозрение в истории философии. Пиррон и Секст Эмпирик очевидно могут быть отнесены к антиплатонической и дескриптивной линии, и их критика понятия природы вещей, хотя и существенно различным образом, является сильным аргументом против нормативного подхода, в результате чего совершается его ослабление. Наша работа показывает на этом материале взаимосвязь эпистемической деятельности и метафизических предпосылок. Эпистемология является зависимой от онтологии и метафизики, предпосылающих познанию то, что существует, и семантики, определяющей и фиксирующей значение терминов<sup>5</sup>. Метафизика также есть вид познания, ее предметами в т.ч. являются условия истинности метафизических высказываний.

<sup>3</sup> На этом настаивают такие вдохновленные Гегелем философы, как Р. Брэндом и П. Штекелер-Вайтхофер и, с другой стороны, С. Жижек. Таким образом, строгое и четкое разделение этих подходов не представляется возможным, их различие состоит скорее в той серьезности, с которой их воспринимают и отстаивают.

<sup>4</sup> Вольф М.Н. Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 274–275.

<sup>5</sup> К. Мулинес говорит, что всякая онтология уже является онто-семантикой и онто-эпистемологией, т.е. более или менее строго определяет значения используемых терминов и тем самым задает способ познания подлежащих объектов (*Moulines C.U. Wer bestimmt, was es gibt? Zum Verhältnis von Ontologie und Wissenschaftstheorie // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1994. Bd. 48. H. 2. S. 176*). Ср. также тезис Аристотеля из «Метафизики»: «ἐπιστήμη τε γὰρ ἐκάστου ἔστιν ὅταν τὸ τί ἦν ἐκεῖν εἶναι γινώμεν» (*Met. Z, 1031b6-7 Ross*). Рус. пер: «Ведь знание об отдельной вещи мы имеем тогда, когда мы узнали суть ее бытия» (*Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 196*).

2. Пирронизм не является однородным течением. Он получил название по имени Пиррона Элидского (ок. 360 – ок. 270 до н.э.). Пиррон был младшим современником Платона и, по предположению исследователей, был знаком с его сочинениями. Р. Бетт полагает, что тексты Платона оказали влияние на Пиррона, точнее, платоновский образ гераклитиянства, в частности идеи изменчивости, текучести и непостоянства феноменального мира<sup>6</sup>. При этом очевидна и существенная разница их взглядов.

Непосредственное учение Пиррона не создало прочной цепи последователей и прервалось вскоре после его смерти<sup>7</sup>. Возрождение пирронизма началось Энесидеом только в I в до н.э., а наиболее ярким представителем был Секст Эмпирик, живший в период с сер. I до сер. II вв. н.э. Этот факт сам по себе указывает на существенные зазоры в пирронической традиции, ответственные за различия внутри пирронизма Пиррона и последующих пирронистов.

Центральным источником по философии Пиррона, наряду с анекдотами, приведенными Диогеном Лаэртцем, является пассаж Аристокла из позднейшей компиляции Евсевия:

Его (Пиррона) ученик Тимон говорит, что стремящийся к счастью должен обратить внимание на три обстоятельства: во-первых, каково происхождение вещей [ὁποῖα λέγουκε τὰ πράγματα]<sup>8</sup>, затем, как нам следует к ним относиться и, наконец, к чему это должно привести. Все вещи безразличны, неопределенны и неподсудны (в смысле невозможности вынесения окончательного суждения о них. – Д.М.), так что наше восприятие их и наше мнение о них не истинно и не ложно. Значит, мы не можем им доверять, но должны воздерживаться от мнений, склонностей и сохранять невозмутимость, обо всем утверждая в равной мере, что оно есть, что его нет, и что оно и есть и нет одновременно. Поступая так, мы сначала, по словам Тимона, приходим к бессловесности, а затем к невозмутимости, а согласно Энесидеу – к счастью<sup>9</sup>.

Считается, что тексты Пиррона оказали больше влияния на эпистемологические дебаты, чем они имели значение для скептического образа жизни. В особенности имеется в виду влияние на главу скептического этапа Академии Аркесилая и позже Энесидема. Последний выбрал Пиррона в качестве основателя для возрожденной традиции, поскольку тот был более всего близок (но не идентичен!) проекту самого Энесидема<sup>10</sup>. Выше мы указали на связь эпистемологии с метафизикой и хотели бы подробнее остановиться на понятии природы вещей, центральном для пирронизма ввиду его критики нормативного подхода и сильных метафизических теорий.

Секст Эмпирик в *M XI* 20<sup>11</sup> приводит цитату из Тимона, в которой содержится тезис Пиррона о природе вещей (перевод, по всей видимости,

<sup>6</sup> Bett R. Pyrrho, his Antecedents, and his Legacy. N.Y., 2000. P. 138; Lesses G. Pyrrho the Dogmatist // Apeiron. 2002. Vol. 35. No. 3. P. 263–265.

<sup>7</sup> См.: Pyrrhonian Skepticism in Diogenes Laertius. Tübingen, 2015.

<sup>8</sup> Πέρφικε это форма глагола φύω в перфекте, от которого также происходит слово φύσις.

<sup>9</sup> Евсевий. Приготовление к Евангелию. XIV, 18, 2 (Аристокл) 2а, пер. Е.В. Афонасина (Цит. по: Афонасин Е.В. Античный скептицизм. Антология латинских и греческих текстов, иллюстрирующих историю античной философии. Новосибирск, 2012. С. 102–103).

<sup>10</sup> Lesses G. Pyrrho the Dogmatist. P. 256.

<sup>11</sup> Цитаты Секста Эмпирика даются по изданиям: Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М., 1975–1976; Sextus Empiricus. Opera: in 3 Vols. Leipzig, 1912–1961.

принадлежит А.Ф. Лосеву или, по крайней мере, был опубликован под его редакцией). В ней говорится:

Так обо всем расскажу, как явствует каждое дело,  
Правды и мерилom храня верное слово мое,  
Блага и божества какова извечна природа,  
Праведной жизни как мужу вернее достичь.

В оригинале фрагмент выглядит так:

ἦ γὰρ ἐγὼν ἐρέω, ὥς μοι καταφαίνεται εἶναι,  
μῦθον ἀληθείης ὀρθὸν ἔχων κανόνα,  
ὥς ἡ τοῦ θεοῦ τε φύσις καὶ τὰγαθοῦ αἰεὶ,  
ἐξ ὧν ισότατος γίνεται ἀνδρὶ βίος.

Как мы видим, русский перевод как минимум неточен. С. Сварарссон предложил в своей статье следующее прочтение этого отрывка:

Having a correct yardstick of truth, I will relate  
a fiction, as it evidently is to me,  
that the nature of the divine and the good [exists] forever,  
and from these life becomes most equable for man<sup>12</sup>.

Сварарссон предлагает прочтение «μῦθος» в смысле лжи или обмана, ложной истории, что подразумевает, что Пиррон считает мифом или ложью тезис о существовании божественной и благой природы. Согласно Пиррону, осознание именно этой истины ведет к равновесной, спокойной человеческой жизни. Поэтому, с учетом замечаний Сварарссона, можно передать первые три строки так (отвлекаясь от поэтической формы и размера):

Я, обладая верным мерилom истины, как представляется мне очевидным, расскажу тебе миф (т.е. ложное представление. – Д.М.) о том, что [существует] вечная природа богов и блага...

Как мы видим, русский перевод дает смысл практически обратный исходному тексту и смыслу учения Пиррона с учетом других фрагментов, которые согласуются с прочтением Сварарссона, но оказываются в противоречии с переводом в советском издании.

Диоген Лаэртций следующим образом передает взгляды Пиррона (DL IX 61):

Он ничего не называл ни прекрасным, не безобразным, ни справедливым, ни несправедливым и вообще полагал, что истинно ничего не существует, а людские поступки руководятся лишь законом и обычаем, – ибо ничто не есть в большей степени одно, чем другое<sup>13</sup>.

К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством свидетельств об аргументах Пиррона в пользу его тезиса. Вероятно, отрицание существования природы вещей было мотивировано разногласием в явлениях согласно принципу «не более» и гераклитеанскими рассуждениями из платоновских диалогов. Однако аргумент «не более» необязательно влечет за собой скептицизм<sup>14</sup>. Можно рассматривать его и как двойное утверждение, и как двойное отрицание. Но оба прочтения этого принципа ставят

<sup>12</sup> Svararsson S. Pyrrho's Dogmatic Nature // The Classical Quarterly. 2002. Vol. 52. No. 1. P. 250.

<sup>13</sup> Диоген Лаэртций. О жизни, учениях и изречениях великих философов. 2-е изд. М., 1986. С. 352.

познание в тупик в рамках действия принципа противоречия. Указывая на опровергающий характер использования этого выражения, Де Лэйси среди прочего приводит две ссылки на Платона (*Crat.* 439d-440a; *Tim.* 49b) и заключает, что для Платона «вещи без определенных свойств не могут быть познаны»<sup>15</sup>. Это проявляется еще ярче в отношении Аристотеля: «Таким образом, для Аристотеля и его школы [выражение] οὐ μᾶλλον было связано с неприемлемой позицией, что две противоречащие или иным образом несовместимые пропозиции могут быть истинны вместе, что не существует сущностной природы в вещах, что благо и зло, лучшее и худшее не имеют основания в природе – позиция, к которой досократики и софисты приблизились на опасно близкое расстояние, осознанно или нет»<sup>16</sup>. Пиррон же сделал этот принцип универсальным, распространил его на все вещи и на этом основании отвергал существование природы вещей, чем уничтожил определенность и индивидуацию вещей (не просто феноменальную, но *по природе*), и сделал невозможным их различение. Всякая вещь есть не более А, чем Б, причем под этими предикатами подразумеваются контрадикторные предикаты (А и не-А), либо же всякая вещь есть и А и не-А<sup>17</sup>. Вероятно, именно ввиду принципа противоречия и понятия природы вещей, а также противоречия в явлениях вещей, Пиррону не представлялось возможным раскрыть природу вещей.

Исследователи выделяют две возможные интерпретации пирроновского тезиса: метафизическую и эпистемологическую. Эпистемологическая ограничивается более слабым утверждением о том, что природа вещей, даже если и существует, непознаваема, т.е. превосходит наши эпистемические способности. По всей видимости, она предполагает, что наблюдаемые или умопостигаемые предикаты вещей подпадают под принцип «не более», что означает, что наши способности недостаточны для адекватной идентификации предикатов вещей, их достаточной индивидуации. Тем самым подразумевается, что хотя вещи обладают свойственной им природой и сами по себе могут быть индивидуированы, однако не существами с нашими эпистемическими способностями. Это прочтение признается Р. Беттом менее правдоподобным, нежели метафизическое<sup>18</sup>. Такое прочтение может рассматривать тропы воздержания от суждения в *PH* 30–164 Секста Эмпирика как раскрытие и развитие изначальной идеи Пиррона. С этим взглядом на Пиррона не согласен Дж. Грин<sup>19</sup>, который называет Пиррона скептическим агностиком и защищает эпистемологическую интерпретацию. В этом отношении мы рискуем выдвинуть гипотезу, что эти интерпретации не обязательно должны конфликтовать. Во-первых, метафизика и эпистемология тогда еще не были эксплицитно и четко разделены и разведены, поэтому пирроновский тезис можно с полным основанием прочесть двояко. Во-вторых,

<sup>14</sup> Об этом аргументе см. подробно: *De Lacy Ph. Oὐ μᾶλλον and the antecedents of Ancient Scepticism // Phronesis.* 1958. Vol. 3. No. 1. P. 59–71.

<sup>15</sup> *De Lacy Ph. Oὐ μᾶλλον and the antecedents of Ancient Scepticism.* P. 61.

<sup>16</sup> *Ibid.* P. 63.

<sup>17</sup> В этом можно увидеть критику принципа противоречия, однако опять-таки ввиду отсутствия достаточных свидетельств не представляется возможным развить эту интерпретацию в отношении Пиррона. Для этого лучше обратиться к «Логике» Гегеля и современной концепции диалетеизма Г. Приста.

<sup>18</sup> *Bett R. Pyrrho, his Antecedents, and his Legacy.* P. 22, 27.

<sup>19</sup> *Green J. Was Pyrrho a Pyrrhonian? // Apeiron.* 2017. No. 50 (3). P. 335–365.

эти дисциплины тесно связаны и в настоящее время, поскольку метафизика также является частью или областью нашего познания. Поэтому можно допустить, что тезис Пиррона относится и к метафизике, и к эпистемологии, или точнее, что этот тезис лучше рассматривать в обеих этих плоскостях, поскольку адекватная интерпретация должна предполагать оба этих компонента.

Метафизическая интерпретация гласит, что природа вещей как таковая не существует в принципе. Иными словами, это значит, что вещи сами по себе не являются индивидуированными, т.е. не обладают строго отличающимися их свойствами, что не позволяет выносить о них истинностные суждения и, следовательно, познавать их. В свете свидетельства Аристотеля, возможно, имеется в виду и то, что мы не можем судить даже об эмпирических фактах и доступных нам в восприятии вещах. На это могут указывать и анекдоты о жизни Пиррона у Диогена Лаэртца, рисующие его безразличным к явлениям, так что друзья должны были спасать его от опасностей, поскольку он не обращал внимания на эти опасности и мог погибнуть вследствие этого (см. DL IX 63–64). Но такие анекдоты вряд ли аутентичны, скорее, они сочинены впоследствии на основании его учения и гипертрофированы до небылиц. Мы можем констатировать, что вещи являются таким-то и таким-то образом, однако, судя по принципу «не более», мы не можем сказать, что явления корректно и недвусмысленно отображают вещи по природе. Вероятно, этот вывод совершается на основании противоречия в явлениях, так что валидная атрибуция явленных свойств вещам по природе не представляется возможной именно в силу такого противоречия в явлениях и невозможности его разрешить.

Представляется, что под тезисом Пиррона *не* имеется в виду истинность эмпирических высказываний по типу «Сейчас идет дождь» или «Рост Диона составляет 2 метра», но именно философски необходимых, трансцендентных (в смысле, который можно приписать Платону) или априорных (в смысле Канта), конститутивных для мира и для каждой вещи в отдельности (их «самость»). При этом возможно такое прочтение, что любое явление, свойство должно необходимо принадлежать к сущности вещи, что может быть верно в отношении Секста Эмпирика. Под этим подразумевается не сфера наблюдаемого мира, природа в смысле окружающей среды, но действительная, а не феноменальная (данность вещей нам эмпирически и в уме) сущность вещей, предмет метафизики. Можно сказать, что под понятием «природа вещей» понимается набор правил, описывающих имманентные, инвариантные, укорененные в самой реальности свойства и способы существования вещей, которые наряду с однозначными способами указания на условия истинности вещей также включают основания для их этической оценки. Примером и основанием этой концепции, критикуемой Пирроном, может служить «Путь быть» в поэме Парменида, а также высказывания Платона об идеях и идеал аподиктической науки Аристотеля, принцип противоречия (по *Met.* Г). Ср. высказывание Платона: «в том, что познаваемо, идея блага – это предел... именно она – причина всего правильного и прекрасного» (*Rep.* 517b–c). По всей вероятности, основанием для утверждения Пиррона служил платонический образ Гераклита как апологета непрерывной текучести и изменчивости, поскольку природа вещей, согласно Пиррону, напротив, подразумевает устойчивость, неизменность и непротиворечивость. Таким образом, речь идет о том, что можно назвать

субстанциальными свойствами вещей, и о том, что не представляется возможным отличить эти свойства от акцидентальных или даже обманчивых на том основании, что феноменальная данность вещей изменчива и текуча.

Пиррон, по всей видимости, ассерторически утверждал, что природы вещей не существует. Он связывал такую природу вещей с божеством и благом, т.е. исходил из и критиковал предпосылку о сплетении бытия, божества и блага. Этический и метафизически-эпистемологический контексты тесно сплетены и имплицитуют друг друга: из познания истины вытекает познание блага, и наоборот, благо приводит к правильному пониманию вещей. Пиррон отрицал существование божественной природы и справедливости; иными словами, по всей видимости, можно квалифицировать его отрицание как отрицание тезиса о существовании конечной, определяющей природы вещей, познание которой исключит разногласие, пересуды и позволит установить бесспорную истину. Это познание должно иметь этические следствия, т.е. установить правильную и благую жизнь. Ввиду несуществования природы вещей он говорит про конвенции и нравы социальной жизни как произвольные и зависящие от коллективного воления, а не отвечающие некоему незыблемому, произвольному и твердо установленному божественному порядку.

Положение о недоопределенности научных теорий (Куайн, Патнэм и др.) представляется наиболее близким этой проблематике. Согласно этому положению, ни один набор (научных/эмпирических) фактов не может решающим образом, раз и навсегда подтвердить или опровергнуть ту или иную теорию как единственную теорию, верно репрезентирующую реальность. Так, «идеализм» Платона, физикализм и т.д. не могут указать нам путь к правильной жизни (дихотомия ценностей и фактов). Наука может *описать* (не исключая другим описанием) то, как вещи взаимодействуют (как они даны нам), но она не может приводить к выводу об определенной природе реальности, природе вещей, к истине определенной метафизической теории. Тезис недоопределенности научных теорий схож с эпистемологическим прочтением проблематики: ни одна теория не может однозначно, исключая другим прочтением образом представить реальность. По всей видимости, всегда будет оставаться зазор между принимаемыми нами фактами и той теоретической интерпретацией этих фактов, которую они должны обосновать. Однако это может быть использовано и для критики метафизического реализма, которая ближе к метафизическому прочтению тезиса Пиррона, поскольку можно предположить, что недоопределенность указывает на устройство вещей и мира. В рамках другого словаря можно описать это как герменевтическую недоопределенность и открытость множеству интерпретаций и прочтений. Важным этическим следствием этого отрицания является определенного рода номинализм или конвенционализм в этике. Как мы видели в описании Диогена, поступки людей, согласно Пиррону, руководствуются законом и обычаем, а не идеей метафизического блага. Из того, как являются вещи, поступают люди или как они почитают богов, что считают за благо, нельзя перейти к тезисам о действительной, объективной природе ценностей, богов и космоса. Поэтому можно сказать, что уже у Пиррона наблюдается имплицитная критика убеждения о связи познания и этики, или образа жизни, которая будет полнее развернута уже Секстом Эмпириком.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что Пиррон противостоял парменидовской, «нормативной» линии развития и критиковал ее через ассерто-



рическое отрицание природы вещей. Эта критика имплицитно прагматизирует и отказ от классической онтической метафизики, утверждающей реальное, а не метафорическое существование объектов ее рассмотрения (идеи, боги, благо). Эту линию продолжил и развил Секст Эмпирик, и почти все из сказанного о природе вещей относится и к нему. Поскольку трактаты Секста Эмпирика дают больше материала по этой теме и определенным образом развивают идею Пиррона, обратимся к ним.

3. Исследователи единодушно и однозначно указывают на кардинальное отличие учения Пиррона от версии пирронизма Секста, поскольку первый недвусмысленно выносит негативное асерторическое суждение по поводу природы вещей, отрицая ее существование, и оценивает противоположную позицию, утверждающую существование природы вещей, т.е. богов и блага, как миф и ошибку. Секст Эмпирик же ставит в основание своего учения и образа жизни аргументативное равновесие и воздержание от суждения по всем вопросам, включая претендующие на истину высказывания о самом скепсисе. Иными словами, пирронический скептик, последователь Секста, воздерживается от любой асерторической речи, утверждения или отрицания каких-либо положений, поскольку они касаются природы вещей (это выражает его употребление выражения «не более»). Секст Эмпирик, находясь под влиянием Пиррона, выстроил отличающуюся программу и развил специфический недогматический образ жизни вокруг принципа душевного спокойствия, атараксии. Результатом его исследования оказывается воздержание от суждения. Это было сделано для уклонения от неудобного и напращивающегося аргумента самоопровержения, который легко применяется против Пиррона. Как Пиррон может утверждать истинность своего тезиса, если истины (в смысле природы вещей) не существует? Секст, согласно диалектической стратегии, развил такое учение, которое уклонялось от асерторической речи любого рода, так что простой аргумент самоопровержения через автореферентность оказывается неприменим<sup>20</sup>. Таким образом, свидетельства, оставшиеся о Пирроне, скорее указывают на догматический характер его высказываний<sup>21</sup>.

Тем не менее Секст также использовал понятие природы вещей, что уже указывает на определенную и существенную преемственность по отношению к Пиррону<sup>22</sup>. Более того, это понятие играет ключевую роль в аргументации Секста. Проанализируем его, исходя из аргументов и замечаний Секста о том, какими вещи по природе должны быть<sup>23</sup>.

<sup>20</sup> Маслов Д.К. Пирроническая диалектическая стратегия // Идеи и идеалы. 2018. № 3 (37). Т. 1. С. 125–143; Он же. Защитная функция пирронической диалектической стратегии // Вестник ТГУ. 2019. № 438. С. 86–92.

<sup>21</sup> Догматизм, согласно Сексту, определяется как утверждение истины какого-либо положения (PH I 1–3), однако, как верно указывает Р. Бетт, такая характеристика анахронична, т.к. была неизвестна самому Пиррону (Bett R. Pyrrho, his Antecedents, and his Legacy. P. 51–52, n. 72). Это не отменяет оценки Пиррона как догматика в негативно-догматическом смысле.

<sup>22</sup> Contra: Bett R. Pyrrho, his Antecedents, and his Legacy. P. 267–268.

<sup>23</sup> См. нашу попытку анализа и путь возможного решения этой проблемы (в рамках плюралистической онтологии М. Габриэля): Маслов Д.К. Пределы скептицизма и проблема объективности познания // Вестник ТГУ. 2018. № 435. С. 59–65; Он же. Проблема разногласия и поля смысла: эпистемологические следствия онтологического плюрализма М. Габриэля // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 181–191.

Прежде всего, т.н. 10 тропов Энесидема построены вокруг понятия природы вещей и тех эпистемических норм, которые следуют из этого понятия. Паттернами аргументации при этих тропах является указание на разногласие в вещах (ср. *РН I 12*) и на относительность вещей по отношению друг к другу и к их воспринимающим субъектам (*РН I 135–141*), причем троп относительности указывается самим Секстом как самый общий, и тем самым подразумевается, что остальные тропы могут быть сведены к нему (*РН I 38–39*). Скептические выражения являются производными от этого разногласия по принципу «не более». Стратегия аргументации состоит в противопоставлении явлений и ноуменов друг другу, также и по времени, в т.ч. с возможными будущими аргументами или состояниями (*РН I 31–35*). Первый троп касается разногласия в восприятиях всех живых существ (в т.ч. по тому, к чему они стремятся и чего избегают, *РН I 54*, ср. с понятием блага). На этом основании, за отсутствием критерия истины, делается вывод о том, что хотя можно сказать, что кому и как кажется, было бы поспешно выносить из этого суждение о том, каковы вещи по природе, т.е. нельзя сделать этого с необходимым основанием. Но такое доказательство или критерий, позволяющий заключить от явления к природе вещей, отсутствует, утверждает Секст (*РН I 59–60*). Второй троп касается различий в строении людей и восприятиях разных людей, третий различия в ощущениях, четвертый различия телесных состояний при восприятии (сытый видит вещи иначе, чем голодный, больной иначе, чем здоровый, пьяный иначе, чем трезвый, молодой, иначе чем старый, и т.д.). При экспозиции тропа состояний говорится, что бытие и небытие определяются в т.ч. в отношении к сну и яви, возрасту (*РН I 104–105*, имеется в виду ассерторическое предикативное высказывание по типу «предмет  $x$  [есть свойство]  $Y$ », например «Калликл (есть) красивый»). При изложении тропа относительности Секст пишет: «раз все существует по отношению к чему-нибудь, то мы удержимся говорить, каково оно обособленное и по своей природе» (*РН I 135*) или «в чистом виде» (*РН I 140*), но только как это кажется нам. Конфликтующие представления и явления не могут быть приняты вместе, что противоречило бы понятию о природе вещей (см. *M I 11*, *VII 392*, *VIII 17–18*, *XI 74*, *РН II 63* и т.д.). Тем самым по умолчанию предполагается, что принцип противоречия регулирует наше рассуждение о природе вещей. Дж. Аннас и Дж. Барнс следующим образом сформулировали схему аргументации Секста в тропах Энесидема: «(1)  $x$  является  $F$  в ситуации  $S$ ; (2)  $x$  является  $F^*$  в ситуации  $S^*$ ; но (3) мы не можем предпочесть одно явление другому; следовательно, (4) мы не можем ни принять, ни отвергнуть, что  $x$  в действительности  $F$  или  $F^*$ »<sup>24</sup>.

Секст Эмпирик развивал прежде всего эпистемологическую аргументацию и использовал тропы для подрыва эпистемических суждений догматиков через создание равновесия. Он направлял свою критику против философских понятий, используемых догматиками («Провидение существует») и против эмпирических тезисов типа «мед сладок», «вода белая» и т.д. (ср. *РН I 19–20*, *30–35* и др.). Отдельная обширная эпистемологическая критика специально развивается в книгах против догматиков *M VII–VIII* и *РН II*, в частности против критерия познания, его различных видов (мысленное/чувственное), против понятия истины и доказательства и т.д. Такая критика может вызывать эпистемологический интерес и сегодня, однако

<sup>24</sup> Annas J., Barnes J. *The Modes of Scepticism*. Cambridge, 1985. P. 25.

в рамках учения Секста она используется для противопоставления стоической теории познания и создания равновесия противоречащих тезисов. Поскольку условие отсутствия разногласия не выполнено, Секст заключает, что предыдущие попытки познания были неудачными и истина осталась недоказанной, а природа вещей – сокрытой от нас (если она вообще существует). Если некоторые догматики (например, Демокрит) использовали относительность чувственного восприятия для перехода к умпостижению подлинных базовых компонентов реальности<sup>25</sup>, образующих все вещи в космосе, то Секст распространил этот принцип и на область умпостижаемого. Хотя Секст вел аргументацию в эпистемологическом ключе, такая интерпретация разногласия не представляется сильной и убедительной. Возможно описание условий истинности эмпирических высказываний и объяснение отклонения от нормы обстоятельствами и условиями наблюдения, состояниями познающих агентов. (Примечательно, что скептическая аргументация Нового времени в основном пошла другим путем и не опиралась на разногласие.) Палка в воде будет выглядеть сломанной из-за преломления света, ночью все кошки будут серыми ввиду отсутствия освещения, мед будет горьким из-за нарушения нормального хода восприятия по состоянию болезни, события во сне иллюзорными (т.е. неточным восприятием фактов внешнего мира), поскольку события в реальности законосообразны и регулярны, и т.д. Аргументы Секста не представляют проблемы сами по себе, как представляется, но интересны именно в свете понятия природы вещей, которое проблематизирует их и делает аргументы Секста формально корректными.

Эпистемологическая критика составляет важную и существенную часть его трактатов, однако более интересным для нас представляется метафизический аспект. Валидность его аргументации основывается на использовании метафизической предпосылки о природе вещей. Природа всех вещей должна быть универсальной («благо по природе... должно быть общим для всех и для всех быть благом...» (М XI 69, 71, ср. М VIII 37, РН III 379), инвариантной (без исключений), неизменной при воздействии или в явлении, вечной. Если яд цикуты смертелен, то он должен быть таковым всегда при воздействии на всех живых существ, т.е. это должно составлять его неотъемлемое свойство. Таким образом, природа вещей не должна допускать никакого разногласия, т.к. наличие такого разногласия подрывает сильную нормативную рамку нашей речи и познания, согласно нормативному подходу. Природа вещей достаточным образом индивидуализирует их и позволяет классифицировать, т.ч. с точки зрения понятия блага, т.е. познание вещей должно недвусмысленно указывать способ ведения жизни как в моральной, так и внеморальной области.

Тем не менее Секст не рассматривает напрямую эту предпосылку и само это понятие, заимствуя их у догматиков. Речь не идет о категориях и проблемах их применения (неявно и не напрямую), но об истинности предложений вроде «яд цикуты смертелен» (т.е. по природе, для всех и всегда), причем истинность должна делать возможной эпистемологическую норму единодушия. Тут же приводится уравнивающее противоположное свидетельство для тезиса о природе вещей, например, что некая бабка не под-

<sup>25</sup> Хотя эта точка зрения не является общепринятой, ср.: *De Lacy Ph. Oὐ μᾶλλον and the antecedents of Ancient Scepticism*. P. 59–60.

давалась действию яды цикуты (*PH I 81*), при невысказанной, но очевидной пресуппозиции, что яд цикуты смертелен. Точно так же Руфин Халкидский не испытывал рвоту после приема черемицы (*PH I 83*) и т.д. и т.п. Однако такая аргументация предполагает, что все свойства вещей должны быть субстанциальными, а не акцидентальными. Кажется, тем не менее, что Секста не интересовала такая постановка вопроса, он довольствовался воссозданием воздержания от суждения. Секст не интересуется родо-видовыми отличиями и не рассматривает свойства по этому признаку, он не противопоставляет суждения типа «Луна это спутник Земли» и «Луна это не спутник Земли» как подведение того или иного предмета под род с выделением видового отличия. Секст просто перенимает предпосылку о природе вещей. Можно преобразовать пример с цикутой в суждения «цикута – яд» и «цикута – не яд», т.е. субстанциальную атрибуцию или ее отрицание (допустим, что принадлежность к классу ядовитых вещей – субстанциальная или родовая характеристика цикуты)<sup>26</sup>. Это возможно и для множества других примеров, приводимых Секстом. Но его волнует именно воздействие вещей на нас и эпистемологические следствия разногласия, а не исследование о том, какова может быть природа вещей, категориальное устройство речи о вещах и т.д. Третий троп представляет отчасти весьма спорную, но именно поэтому интересную аргументацию, противопоставляя непротиворечащие свойства вещей друг другу, когда говорится, что яблоко желтое, гладкое и ароматное (*PH I 94*). Оно может быть однообразным либо же иметь больше качеств, которые мы способны воспринять (*PH I 95–99*). Как единая вещь рождает или является основанием для множества свойств? Здесь затронуты вопросы о тождестве, субстанции и проч., однако Секст не углубляется в них.

Для Секста нормативный тезис о природе вещей был очень удобной посылкой, которую он небезосновательно приписывал догматикам (однако исследование корректности приписывания этих тезисов Секста самим догматикам составляет отдельную большую задачу. Как представляется *prima facie*, он имел на это хорошие основания). При использовании этой посылки Секст номадически и *ad hoc* демонстрировал несостоятельность, рассогласованность их эпистемологических идеалов и реальных результатов. На основании скептических выражений (*афасия*, «не больше» и т.д., см. *PH I 187–209*), вытекающих из диалектической стратегии, он не обязан принимать за истину посылки и выводы задействуемых им аргументов. Используя это напряжение, он задел чувствительные точки сильных, онто(тео)логических метафизических проектов, претендовавших на необходимое познание природы вещей.

<sup>26</sup> Здесь можно упомянуть экстерналистскую теорию значения Патнэма, имеющую также и метафизические коннотации. В ней используется аналог понятия сущности или природы вещей, который отвечает за значение и фиксирует его для всех возможных миров. Термин «вода» во всех возможных мирах относится к H<sub>2</sub>O, кошки не являются автоматами, а ручки живыми существами. Эти высказывания, с одной стороны, указывают на неизменность референции, закрепляя внешним образом определенную природу соответствующих вещей (кошка это живое существо и т.д.), с другой же стороны, поднимается проблема изменчивого *a priori*, т.е. концептуальных схем. См.: Putnam H. The Meaning of «Meaning» // Putnam H. Philosophical Papers. Vol. 2: Mind, Language, Reality. Cambridge, 1975. P. 215–271; Narboux J.-Ph. Conceptual Truth, Necessity, and Negation // The Monist. 2020. No. 103. P. 468–480.

Мы полагаем, что можно сделать следующий вывод. Критика Секста велась на поверхностном уровне с точки зрения эпистемологии, однако подспудно она касалась самой природы (мета)философских, метафизических («по природе») высказываний и теорий. (Более того, даже эмпирические данные, основанные на наших восприятиях, всегда носят вероятностный характер, следовательно, и они сами по себе небеспроблемны.) Теории не могут быть достаточным образом обоснованы непосредственными свидетельствами (тезис недоопределенности). Они не могут быть обоснованы и непрямыми, логическими аргументами, устанавливающими последовательность и непротиворечивость таких теорий. Дискурсивный принцип непротиворечия (вместе с другими), направляющий нашу речь, выполнимый для одного рассуждения, в рамках сообщества и всего поля дискурса оказывается невыполнимым и постоянно наталкивается на противоречия и разногласия, конфликтующие теории. Это приводит к существенному ослаблению сильного прочтения нормативного идеала необходимого и полного познания, прагматизации эпистемических практик и норм, а также проблематизирует проблему разногласия на метафилософском и метаметафизическом уровнях рассмотрения. В дальнейшем развитии философии это дало мощный импульс для системы Гегеля (критика статического и избегающего противоречия идеала знания) и в т.ч. программы социологии знания как исследования устройства интеллектуальных полей или сетей (например, Р. Коллинз и его исследование по социологии философий). Философия, наука и все знание как укорененные исследовательские программы находятся в постоянном развитии и рефлексии, внутреннем соперничестве и «противоречии»<sup>27</sup>.

В результате нашего исследования мы приходим к выводу о том, что тезис Пиррона может быть прочтен двояко, и это отчасти указывает на тесную связь эпистемологии и метафизики. Секст Эмпирик, при существенном отличии, наследует центральное понятие природы вещей и развивает его эпистемологическое применение для создания воздержания от суждения, лишь косвенно затрагивая собственно метафизические основания этого понятия. Однако они являются наиболее интересным моментом. Тем не менее из пирронической философии вытекают важные метафилософские и метаметафизические следствия, которые находят развитие в последующей философии. В частности, критика сильного нормативного подхода с точки зрения понятия природы вещей, которая указывает на недоопределенность мира (против идеала чистого бытия и соразмерного ему познания) и соответственно теоретических построений. Это оказывает влияние на наше нормативное понимание метафизики и эпистемологии, ослабляя «нормативный подход».

## Список литературы

- Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / Ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. 550 с.
- Афонасин Е.В.* Античный скептицизм. Антология латинских и греческих текстов, иллюстрирующих историю античной философии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. 140 с.
- Вольф М.Н.* Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 269–280.

<sup>27</sup> Ср. тезис из докторской диссертации Гегеля: *contradictio est regula veri, non-contradictio falsi*.

- Вольф М.Н. Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 170–183.
- Диоген Лаэций. О жизни, учениях и изречениях великих философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
- Маслов Д.К. Пирроническая диалектическая стратегия // Идеи и идеалы. 2018. № 3 (37). Т. 1. С. 125–143.
- Маслов Д.К. Защитная функция пирронической диалектической стратегии // Вестник ТГУ. 2019. № 438. С. 86–92.
- Маслов Д.К. Пределы скептицизма и проблема объективности познания // Вестник ТГУ. 2018. № 435. С. 59–65.
- Маслов Д.К. Проблема разногласия и поля смысла: эпистемологические следствия онтологического плюрализма М. Габриэля // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 181–191.
- Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. / Под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1975–1976.
- Annas J., Barnes J. *The Modes of Scepticism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 204 p.
- Aristotle. *Metaphysics in 2 Vols.* / Ed. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Bett R. *Pyrrho, his Antecedents, and his Legacy*. N.Y.: Oxford University Press 2000. 264 p.
- De Lacy Ph. Οὐ μᾶλλον and the antecedents of Ancient Scepticism // *Phronesis*. 1958. Vol. 3. No. 1. P. 59–71.
- Green J. Was Pyrrho a Pyrrhonian? // *Apeiron*. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 335–365.
- Lesses G. Pyrrho the Dogmatist // *Apeiron*. 2002. Vol. 35. No. 3. P. 255–271.
- Moulines C.U. Wer bestimmt, was es gibt? Zum Verhältnis von Ontologie und Wissenschaftstheorie // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. 1994. Bd. 48. H. 2. S. 175–191.
- Narbox J.-Ph. Conceptual Truth, Necessity, and Negation // *The Monist*. 2020. No. 103. P. 468–480.
- Putnam H. The Meaning of «Meaning» // *Putnam H. Philosophical Papers*. Vol. 2: Mind, Language, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.
- Pyrrhonian Skepticism in Diogenes Laertius / Ed. by K. Vogt. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. 202 p.
- Sextus Empiricus. *Opera*: in 3 Vols. / Ed. H. Mutschmann, J. Mau. Leipzig: Taubner, 1912–1961.
- Svavarsson S. Pyrrho's Dogmatic Nature // *The Classical Quarterly*. 2002. Vol. 52. No. 1. P. 248–256.

## Pyrrhonian criticism of the notion of “nature of things”: epistemology and metaphysics\*

**Denis K. Maslov**

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: denn.maslov@gmail.com

The paper analyzes the criticism of the notion “nature of things” within the pyrrhonian sceptical tradition. I begin with a brief exposition of two contemporary epistemological approaches that sets up the boundaries of the discussion: normative and descriptive ones. However, this dichotomy is not strict. The notion of “nature of things” implicitly underlies the discussion, as I argue, as a normative view about the true reality and its formal characteristics. These metaphysical requirements have to be fulfilled in knowledge. This alone demonstrates a tight connection between these disciplines. Pyrrho's rejection of the nature of things can be interpreted in terms of underdetermination of the world, which al-

\* This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00128 «Ancient epistemology: the Eleatics, the Sophists and Plato in contemporary interpretations».

lows various interpretations according to the rule “no more” (ou mallon). This principle states that there is no ultimate ground for the individuation of things. This principle had been used before Pyrrho and justifies his denial of the existence of the nature of things, for to every single thing can be ascribed contradictory predicates. They show themselves in a contradictory way. Then, we point out to the breakdown in the Pyrrhonian tradition and the fact that the notion of nature of things was borrowed and used as a pillar of the revived Pyrrhonism (esp. in Sextus Empiricus). He used this term referring to the unchangeable, invariable and eternal constitution of things. Sextus differs from Pyrrho on by his suspension of judgement about the existence of the nature of things. Although Sextus developed an epistemological critique of ancient theories of knowledge and did not investigate this notion, it was pivotal for him to reach the suspension of judgement. It allowed him not to assert any statement as corresponding to or revealing the properties of things by nature. As a result, Pyrrhonian usage of the notion nature of things provided a persuasive and influential criticism against the normative stance and led to its moderation and pragmatization.

**Keywords:** Pyrrho, Sextus Empiricus, nature of things, ou mallon, metaphysics, epistemology

**For citation:** Maslov, D.K. “Pirronicheskaja kritika ponjatija ‘priroda veshhej’: jepistemologija i metafizika” [Pyrrhonian criticism of the notion of “nature of things”: epistemology and metaphysics], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 165–180. (In Russian)

## References

- Afonasin, E.V. *Antichnyj skepticizm. Antologija latinskih i grecheskih tekstov, illjustrirujushhih istoriju antichnoj filosofii* [Ancient Scepticism. An anthology of Latin and Greek texts for illustration of Ancient Philosophy]. Novosibirsk: Novosibirsk St. Univ. Publ., 2012. 140 pp. (In Russian).
- Annas, J. & Barnes, J. *The Modes of Scepticism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 204 pp.
- Asmus, V.F. (ed.) *Aristotle, Sochinenija* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976. 550 pp. (In Russian)
- Bett, R. *Pyrrho, his Antecedents, and his Legacy*. New York: Oxford University Press, 2000. 264 pp.
- De Lacy, Ph. “Οὐ μᾶλλον and the antecedents of Ancient Scepticism”, *Phronesis*, 1958, Vol. 3, No. 1, pp. 59–71.
- Gasparov, M.L. (tr.) *Diogenes Laertius, O zhizni, uchenijah i izrechenijah velikih filosofov* [Lives of Eminent Philosophers], 2nd ed. Moscow: Mysl' Publ., 1986. 571 pp. (In Russian)
- Green, J. “Was Pyrrho a Pyrrhonian?”, *Apeiron*, 2017, Vol. 50, No. 3, pp. 335–365.
- Lesses, G. “Pyrrho the Dogmatist”, *Apeiron*, 2002, Vol. 35, No. 3, pp. 255–271.
- Losev, A.F. (ed.) *Sextus Empiricus, Sochinenija* [Works], 2 Vols. Moscow: Mysl' Publ., 1975–1976. (In Russian)
- Maslov, D.K. “Pirronicheskaja dialekticheskaja strategija” [Dialectic strategy in Pyrrhonism], *Ideas and ideals*, 2018, No. 3 (37), Iss. 1, pp. 125–143. (In Russian)
- Maslov, D.K. “Predely skepticizma i problema ob'ektivnosti poznanija” [Limits of scepticism and objectivity of knowledge], *Tomsk State University Journal*, 2018, No. 435, pp. 59–65. (In Russian)
- Maslov, D.K. “Problema raznoglasija i polja smysla: jepistemologicheskie sledstvija ontologicheskogo pljuralizma M. Gabrijelja” [The Problem of disagreement and fields of sense: epistemological consequences of Markus Gabriel's ontological pluralism], *Voprosy filosofii*, 2021, No. 1, pp. 181–191. (In Russian)

- Maslov, D.K. “Zashhitnaja funkcija pirronicheskoj dialekticheskoj strategii” [Defensive function of dialectical strategy in Pyrrhonism], *Tomsk State University Journal*, 2019, No. 438, pp. 86–92. (In Russian)
- Moulines, C.U. “Wer bestimmt, was es gibt? Zum Verhältnis von Ontologie und Wissenschaftstheorie”, *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 1994, Bd. 48, H. 2, S. 175–191.
- Mutschmann, H. & Mau, J. (eds.) *Sextus Empiricus, Opera*, 3 Vols. Leipzig: Taubner, 1912–1961.
- Narboux, J.-Ph. “Conceptual Truth, Necessity, and Negation”, *The Monist*, 2020, No. 103, pp. 468–480.
- Putnam, H. “The Meaning of “Meaning”, in: H. Putnam, *Philosophical Papers, Vol. 2: Mind, Language, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975, pp. 215–271.
- Ross, W.D. (ed.) *Aristotle, Metaphysics*, 2 Vols. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Svavarsson, S. “Pyrrho’s Dogmatic Nature”, *The Classical Quarterly*, 2002, Vol. 52, No. 1, pp. 248–256.
- Vogt, K. (ed.) *Pyrrhonian Skepticism in Diogenes Laertius*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. 202 pp.
- Volf, M.N. “Gorgij Leontijskij i antichnaja model’ deskriptivnoj jepistemologii” [Gorgias of Leontini and an Ancient Model of descriptive Epistemology], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, No. 2 (34), pp. 269–280. (In Russian)
- Volf, M.N. “Mozhet li deskriptivnaja jepistemologija spasti Gorgija ot filosofskoj nesostojatel’nosti?” [Could descriptive epistemology save Gorgias from philosophical inconsistency?], *Siberian Philosophical Journal*, 2019, Vol. 17, No. 4, pp. 170–183. (In Russian)